

гребеня и кобанской культуры. Л. И. Лавров пишет, что у адыгов бытовали бескуржанные грунтовые ямы и курганы с колодами, что вполне можно объяснить влиянием половец в XIII—XIV вв. С таким же явлением мы сталкиваемся в Балкарии и Карачае, где примерно в это же время в исконно кавказские каменные ящики и склепы вставляются деревянные колоды-сандык¹ половецкого типа. В последнем случае речь также может идти не об изменении обряда погребения, а о сочетании двух элементов этого обряда.

Во втором разделе своей работы Л. И. Лавров дает яркую характеристику социально-экономического состояния Балкарии и Карачая. К этому разделу можно сделать единственное замечание: сваны не жили постоянно ни в Баксанском, как это утверждает автор, ни в других ущельях Балкарии. Они обитали в этих ущельях сезонно, что наблюдается и в наши дни.

Глубоко разработан Л. И. Лавровым вопрос об уровне и формах феодальных отношений. Приведены многочисленные факты, свидетельствующие о том, что Карачай и Балкария в XVII—XVIII вв. находились на стадии раннего феодализма. Это подтверждается письменными источниками первой половины XVII в., например, статейными списками русских послов.

В работе Л. И. Лаврова рассматриваются вопросы вассальной зависимости балкарских князей от кабардинских и о русско-балкарских отношениях. Скрупулезный анализ документов позволяет автору нарисовать довольно ясную и исторически верную картину. Приведенные в статье факты показывают, что различного рода дани, выплачиваемые балкарцами, носили всегда договорный характер. В данном случае имеется в виду плата за использование пастбищных угодий. Балкарцы уплачивали также дань кабардинским князьям за политическое покровительство, однако это не влекло за собой никаких ограничений во внешней политике балкарских князей.

Третий раздел работы Л. И. Лаврова посвящен культуре и верованиям балкарцев и карачаевцев. Здесь опубликованы эпиграфические памятники, свидетельствующие о появлении зачатков письменности у балкарцев. Чрезвычайно интересны приведенные в этом разделе материалы из обнаруженного автором редкого источника — ранее не публиковавшегося альбома Д. А. Вырубова с зарисовками архитектурных памятников Балкарии, большинство которых ныне уже разрушено. Автор убедительно доказывает факт проникновения ислама к карачаевцам и балкарцам из Дагестана и описывает ряд культовых и религиозных обрядов и празднеств балкарцев и карачаевцев.

В небольшой рецензии невозможно охватить все стороны многогранного труда Л. И. Лаврова. Это несомненно неопенимый вклад в кавказоведение вообще и в историю Балкарии и Карачая в частности.

Очередной том «Кавказского этнографического сборника» с большим интересом прочтут специалисты, занимающиеся историей и этнографией Кавказа.

И. М. Мизиев

¹ Х. О. Лайпанов, К истории карачаевцев и балкарцев, Черкесск, 1957, стр. 18, 19; И. М. Мизиев, Могилиник Курнаят в Кабардино-Балкарии, «Археологические открытия 1968», М., 1969, стр. 125, 126.

Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 1, 1966, 379 стр. с илл.; вып. 2, 1970, 312 стр. с илл.

Этнографы Таджикистана выпустили в свет очередной труд — вторую книгу капитального исследования «Таджики Каратегина и Дарваза», — результат многолетнего сплошного этнографического изучения различных районов республики. Читатели с нетерпением ожидают третьего выпуска, завершающего эту серию.

Первый выпуск, помимо общих сведений по географии и истории этого края и обзора литературы, дает характеристику состава и процесса формирования населения и его хозяйственной деятельности. Во втором выпуске рассматривается весь комплекс материальной культуры: поселение, жилище, одежда, пища. Как сказано в предисловии к первому выпуску, третий выпуск будет содержать исследование семьи и описание полного цикла семейных обрядов.

Авторы этого труда «стремились идти не от прошлого к настоящему, а наоборот, от настоящего к прошлому» (вып. 1, стр. 5). Такой подход (отступающий от ставшего почти стереотипом рассматривания явлений в их исторической последовательности) в этнографическом труде вполне оправдывает себя.

В рецензируемом издании развернута вся картина народного быта, в том числе и того нового, что принес советский строй, и традиционных национальных форм жизни, которые либо гармонично сливаются с новым, либо постепенно изживаются, если они несовместимы с современным бытом.

Горный Таджикистан, в состав которого входят Каратегин и Дарваз, относится к таким районам Средней Азии, где суровость природных условий и отдаленность от городских центров долгие годы задерживали ломку старого бытового уклада и спо-

существовали сохранению там следов далекого прошлого. Вместе с тем это районы компактного поселения более или менее однородного таджикского населения, что обусловило сложение здесь в течение долгого исторического периода своеобразного центра самобытной таджикской национальной культуры. Авторы тщательно собрали и подготовили к публикации материалы, рисующие традиционный народный быт таджикского населения. Оно сумело приспособиться к неблагоприятным природным условиям, создать такие формы быта, которые помогли бороться с трудностями, использовать небогатые в прошлом возможности сделать жизнь более удобной, обеспечить выживание многих поколений и развитие их культуры. Более того, они смогли создать в этих скудных условиях живое, красочное искусство.

Короткий «Исторический очерк» (автор Н. А. Кисляков) содержит сведения о сословном и социальном строе во время господства здесь местных шахов, а потом во времена бухарского владычества. Большое научное значение имеют материалы о проявлении института феодального пожалования *танхо*. Они дополняют постепенно накапливаемые исследователями сведения о конкретном выражении этого феодального института в отношении самого низшего слоя держателей пожалования — самых мелких танходоров¹.

Автор характеризует административное устройство края в тот период, когда он находился под властью бухарского эмира. Интерес представляет и описание до недавнего времени неизвестного звена в структуре эмирской администрации — почти автономного «мирдари хона», в котором автор справедливо усматривает «реликт прошлого административно-территориального устройства страны» (стр. 37). Большое внимание Н. А. Кисляков уделяет административному устройству в советское время. В очерке кратко излагается история становления Советской власти, зарождения и развития колхозного строя.

Раздел «Население» (автор Р. Я. Неменова) — это глубокое исследование различных этнических групп, живущих в Каратегине и Дарвазе, их происхождения (по народным историческим преданиям) и расселения. Автор по-новому характеризует процесс сложения населения этих горных местностей; в прошлом оно было значительно более подвижным, чем население равнин, особенно районов древнего орошаемого земледелия, где исторически сложившаяся система каналов и водопользования служила мощным стимулом прикрепления населения к месту жительства его предков. В горах этот стимул тоже существовал, но не имел такой силы, так как там не было таких мощных водных систем, которые складывались веками. При неблагоприятных условиях (недород и т. п.) горцы нередко видели в переселениях единственное средство улучшения, а иногда и спасения своей жизни. Основную роль в миграционных процессах играло периодически повторяющееся перемещение жителей близких районов. В результате население многократно перемещивалось и скрещивалось, пополнялось новыми, но преимущественно родственными компонентами. Наряду с этим на формирование местного населения воздействовали факторы и более широкого значения, приводя в малогостеприимные горные районы переселенцев с равнин, в частности, из таких центров как Бухара и Самарканд. Вследствие этих процессов образовалось современное население Каратегина и Дарваза. Исследователю удалось проследить основные направления наиболее важных миграционных потоков, в результате которых современное население Каратегина окончательно сложилось, по-видимому, в течение последних двух-трех столетий (стр. 57), в то время как население Дарваза, которое имело этнические связи, с одной стороны, с Ванчем и Юго-западной частью Куляба, а с другой, — с Припамирьем, сложилось в более отдаленные времена (стр. 55).

В основной части первого выпуска рецензируемой работы подробно рассмотрена хозяйственная деятельность населения края в прошлом и настоящем (авторы М. Р. Рахимов — «Сельскохозяйственные занятия населения», Н. Н. Ершов — «Домашние промыслы и ремесла»). Материалы, содержащиеся в этих разделах, очень ценны. Описанные в этих разделах хозяйственные навыки таджиков доказывают, как успешно сумели они, жители горных районов, приспособиться к особым природным условиям. В этом плане значительный интерес представляют своеобразные формы кооперации при обработке молочных продуктов. Сложившиеся еще, вероятно, в древности, эти формы кооперации можно рассматривать как проявление древних общинных отношений и как наиболее рациональный в тех условиях способ организации молочного хозяйства, позволявший каждой семье, при малом количестве скота и его низкой продуктивности, делать необходимые для зимы запасы.

Н. Н. Ершов в своем разделе дает характеристику кузнечного дела, ткачества, гончарства и обработки дерева, приводит ценные сведения по истории техники у народов Средней Азии. Подробные, очень хорошо составленные описания техники изготовления и самой выпускаемой продукции сопровождаются многочисленными иллюстрациями, которые дают возможность представить себе техническую сторону промысла и разобраться в самой сути используемых в нем приемов. В этом смысле рецензируемый раздел можно признать образцовым. Хорошо освещены вопросы обмена,

¹ М. Р. Рахимов, Земледелие таджиков бассейна реки Хингуу в дореволюционный период, Сталинабад, 1957, стр. 41, 134—141; О. Д. Чехович, Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVII—XIX вв., Ташкент, 1954, стр. 209.

система обучения и получения доступа к занятию ремеслом. В этом отдаленном горном районе ремесло стояло на одной из ранних ступеней своего развития, поэтому приведенные данные имеют значение для понимания развития ремесленного производства вообще. На этом этапе искусство носило прикладной характер и в связи с этим проблемы развития искусства включены в раздел, посвященный ремеслу.

Как продолжение рассмотренного нами исследования читаются разделы второго выпуска, изданного в 1970 году. Вместе с тем этот выпуск имеет и самостоятельное значение, представляя собой монографию по материальной культуре таджиков Каратегина и Дарваза.

В разделе о жилище (автор А. К. Писарчик) большое внимание уделено приемам строительства, материалам, архитектурному декору и организации всех строительных работ. Автор проанализировал характер и планировку как современного, нового по своей архитектуре и виду жилища, так и, особенно подробно, старинного жилища.

Раздел «Жилище» может рассматриваться как часть исследования ремесла, основные материалы о котором помещены в первом выпуске.

Вместе с тем, во втором выпуске, посвященном материальной культуре, жилище и народная архитектура рассматриваются как неотъемлемые части материальной культуры этого района. А. К. Писарчик наметила в старинном жилище изученного района два типа. Первый — связан с жилищем других районов Средней Азии; он назван «равнинно-каратегинским». Этот тип жилища распространен, по сообщению пожилых людей, в начале XX в. Второй тип — искольный, местный, назван «припамирским». Выводы автора вполне подтверждаются приведенными в книге описаниями и имеют большое значение для установления типологии среднеазиатского жилища. Выделение этих двух типов жилища (второй подразделяется еще на два подтипа) следует признать очень важным результатом работы.

Большое значение имеет также типология селений (они разбиты на три типа). При этом особенности каждого типа, по мнению авторов (А. К. Писарчик и Р. Л. Неменова, стр. 12 и дальше), объясняются своеобразием земледельческого хозяйства того или иного микрорайона и, таким образом, они обусловлены, с одной стороны, природными, а с другой, — сложившимися там историческими условиями. Очень ценно, что авторы не ограничились рассмотрением собственно жилища и дали также характеристику усадьбы, что особенно важно, так как этот вопрос в литературе освещен слабо. Специально выделено архитектурно-декоративное оформление зданий.

В том же разделе дано и описание общественных зданий. Именно через них прежде всего в горные районы приходит современная архитектура и строительные приемы, которые постепенно начинают использоваться и в жилом строительстве.

В заключение отмечается, что уже в 1952—1957 гг., в Дарвазе и Каратегине происходил процесс перехода от старого традиционного жилища к новому, более благоустроенному; в быту населения появляются современные красивые и удобные вещи. Вместе с тем, как отмечено, сохраняет свое значение и традиционное жилище. Следует однако отметить, что в этом разделе недостаточно глубоко рассматривается убранство жилища и утварь.

Очень подробно освещаются вопросы, связанные с народным костюмом («Одежда» автор З. А. Широкова). Выделены основные типологические формы всех видов одежды, прослежено их географическое распространение. Таким образом, создана основа для картографирования народной одежды, что имеет важное значение для работы над составлением историко-этнографического атласа народов Средней Азии. Подробно описаны способы изготовления различных предметов одежды, приемы покроя и шитья, употребляемые при этом швы. Рассматриваются способы украшения одежды вышивкой и пр. Автор вскрывает магическое значение, которое придавалось раньше отделке одежды. Особо выделен вопрос о прическах, среди которых еще недавно различались возрастные формы. Одежда описывается полно и точно, дана характеристика ее отдельных частей и целых комплексов народного костюма людей разного возраста, в частности костюма ритуального. Это свидетельствует о том, что материалы собирались в среде их бытования с большой тщательностью.

Выделены типы украшений, входящих в народный костюм, которые распространены в изученных районах, подробно описан способ ношения отдельных украшений в цельном комплексе. Особо отмечается значение украшений в костюме новобрачной.

В разделе об одежде, в котором нашли отражение некоторые вопросы, уже освещенные в литературе, автор выделяет основные типы женской рубахи-платья и высказывает соображения об эволюции этого типа одежды. Это позволяет выделить самый старый покроя рубахи, в которой можно видеть исходную форму среднеазиатской наплечной одежды вообще. В дальнейшем из нее выделились и развились другие виды наплечной одежды. Много раз в литературе описывались знаменитые таджикские свадебные лицевые занавески-рубанды. Но только в рецензируемой работе впервые описана техника их выполнения, приводятся сведения и о ритуалах, с которыми связано их употребление.

Во втором выпуске «Таджиков Каратегина и Дарваза» помещен небольшой раздел об узорных изделиях из кусочков разных тканей («Узорные изделия из кусочков материи», авторы А. К. Писарчик и М. Хамиджанова). Такие изделия имеют в Средней Азии широчайшее распространение, они считались настолько обычными, что им не при-

давалось особого значения, и в литературе они не освещались. Между тем в быту эта, казалось бы, малозначительная область материальной культуры, играла весьма важную роль. Изделия из кусочков материи шивались так искусно, образовывали такие красочные узоры, что играли немалую роль в украшении жилища. Как оказалось, узором из тканей разного цвета в прошлом придавался магический смысл. Вещи, сшитые из кусочков тканей, имели специальное ритуальное значение, что само по себе доказывает древность этого скромного явления национальной культуры не только таджиков, но, вероятно, и других народов Средней Азии.

В плане изучения народной культуры традиционная пища таджиков Каратегина и Дарваза, как и вообще народов Средней Азии, принадлежит к наименее разработанным темам. Между тем, в жизни каждого народа характер пищи, способы ее приготовления и распорядок питания очень важны. Они зависят, с одной стороны, от направления хозяйства, а с другой, — определяются глубокими и прочными традициями. В данной работе раздел о пище (автор Н. Н. Ершов), невелик и содержит в основном сведения об употребляемых в пищу продуктах и способах приготовления разных блюд. Сообщается как едят то или иное блюдо. Так же как и в предыдущих разделах, здесь отражено то новое, что вошло в быт в советское время.

Размеры рецензии не позволяют остановиться на других разделах рецензируемой работы («Охота», автор Н. Х. Нурджанов, вып. I, «Народная медицина», автор Н. Н. Ершов, II вып.), которые содержат новые важные сведения.

Мы уже говорили о широте поставленной задачи и о богатстве приведенных данных. Вместе с тем нельзя не отметить еще одну важную сторону издания. Все разделы насыщены уникальным и исчерпывающим терминологическим материалом. Приведены не только термины (и притом много старых и специальных), но и подробно и очень конкретно показано их значение, а нередко — рисунком и внешний вид обозначаемых терминами предметов. В рецензируемой работе содержатся богатейшие материалы для лексикографов и составителей толковых словарей и, вероятно, для историков языка.

Ценное как монографическое исследование, отражающее традиционную таджикскую культуру в ее местном варианте, рассматриваемое серийное издание служит вместе с тем необходимым источником для проводимой в СССР и во многих странах мира работы по составлению историко-этнографических атласов различных народов. Приведенный материал необходим для выяснения ареалов культурных явлений, установления их связи с этническим происхождением тех групп, у которых они наблюдаются или имелись в прошлом. Если учесть, что в Таджикистане уже издан подобный труд о таджиках долины Хуф, подготовлены работы о таджиках долины Варзоба и верховьях Зеравшана, проведены полевые исследования в некоторых районах Куляба, то ясно, какие возможности для составления атласа имеют этнографы Таджикистана, бесспорно, занимающие первое место среди этнографов среднеазиатских республик и Казахстана в отношении накопления и обработки материалов, пригодных для картографирования.

Первый и второй выпуски этой большой монографии подготовлены и изданы очень тщательно. Авторы поставили перед собой определенную задачу и выполнили ее очень хорошо. Можно было бы пожелать больше обобщений и сопоставлений, но нельзя забывать, что перед нами лишь часть обширной серии и только после окончания работы можно будет сделать достаточно обоснованные и глубокие выводы о таджикской культуре в целом. Этот цикл исследований был в свое время очень широко задуман крупным ученым М. С. Андреевым. Оба выпуска органически входят в крупнейшую общую этнографическую работу нашего времени — составление историко-этнографических атласов. Этнографы Таджикистана задумали и организовали исследования в этом направлении прежде, чем советскими этнографами были сформулированы задачи атласа. Следует продолжать эту грандиозную работу по сплошному этнографическому обследованию Таджикистана. Вызывает только беспокойство, что в сообщении о содержании третьего выпуска ничего не говорится о народных верованиях, которые хранят особенного много следов далекого прошлого, связанного с этногенезом и историей культуры народа. Следовало бы этому вопросу посвятить специальный раздел, а не только попутно затрагивать его в описаниях быта.

Хотелось бы пожелать лучшего типографского качества издания. Если оно стоит на достаточно высоком уровне в отношении обработки текста (ответственные редакторы Н. А. Қисляков и А. К. Писарчик, редактор издательства Е. Г. Қацабенко), если неплохо получилось графические выполненные иллюстрации, то качество фотографий — крайне низкое. Между тем, фотографии служат не только украшением книги, но и являются ценным документом. Может быть, более разумнее изготавливать прорисовки, сохраняя фотографии в архиве как документ для издаваемых книг.

О. А. Сухарева

Х. Аргынбаев. Казактын мал шаруашылыгы жайында этнографиялык очерк. Алматы, 1969, 170 стр. (на казахском яз.)

Рецензируемая книга написана казахским этнографом и посвящена исследованию проблем скотоводческого хозяйства казахов в дореволюционное время. Работа основана главным образом на полевых материалах, собранных автором почти по всей территории республики; широко использована также литература, интересные сведения извле-